

ИВАН БАННИКОВ

СВЕРХУ

Иван Банников

Сверху

«Автор»

2023

Банников И. А.

Сверху / И. А. Банников — «Автор», 2023

Пионер Миша живёт в Москве, учится в школе, любит заснеженными склонами Эвереста, ухаживает за фиолетовыми коровами и готовится выбрать будущую профессию. Он всем сердцем ненавидит жестоких кочевников из нижнего мира и готов отдать жизнь за страну. Но в один день привычный мир начинает рушиться, и жестокая страшная правда ставит его перед самым важным решением.

© Банников И. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

29 февраля	5
30 февраля	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Иван Банников

Сверху

29 февраля

Миша украдкой посмотрел на Нину и тут же устыдился своего неподобающего интереса к однокласснице.

К тому же, он на несколько секунд отвлёкся от важного урока, и это было недопустимо. Каждая мелочь могла стать решающей на предстоящих майских экзаменах.

– ...Они вели исключительно миролюбивый образ жизни, занимаясь земледелием и строительством на земле, которую занимали в течение многих тысячелетий, – продолжала увлечённо рассказывать Алевтина Павловна. Она стояла у экрана, на котором демонстрировалась карта континента. – Они развивали науку и все виды искусства. Всячески избегали ведения военных действия и всегда старались занимать нейтральное положение в отношениях со всеми соседями. Но, к великому сожалению, их это не спасло. Почему?

Миша тут же поднял руку, чтобы опередить всезнайку Петрова.

– Да, Михаил, – учительница позволила ему встать и ответить.

– Потому что общество кочевников не могло удовлетвориться тем, что имело, – он принялся излагать заученными фразами прочитанную вчера главу. – Они всегда жаждали большего, завидовали благополучному быту мирных оседлых соседей. В дополнение ко всему, они не могли производить те блага, которые прочно интегрировали в свой быт и в которых жизненно нуждались.

– Правильно, – сдержанно кивнула Алевтина Павловна. – Но это не весь ответ.

Миша напряг память, чтобы припомнить нужное место, но Петров не оставил ему шанса.

– Потому что религия кочевников не подразумевала существование иных обществ, кроме как кочевых! – выпалил одноклассник, не дождавшись позволения учительницы, за что и получил её укоризненный взгляд.

– И? – она нетерпеливо помахала кистью, призывая выскочку завершить ответ.

– И они направляли все свои усилия и ресурсы на искоренение оседлого образа жизни.

– Обоим четыре с минусом, – строго сказала Алевтина Павловна, укоризненно качая головой. – Аркадий, неприемлемо перебивать одноклассника и давать ответ без разрешения.

Миша упал на стул и с ненавистью посмотрел на тщедушного Петрова, который в очередной раз лишил его высшей оценки. Нина оглянулась и бросила на Мишу насмешливый взгляд, отчего кровь бросилась в голову. Потом она демонстративно поправила свои прекрасные золотистые волосы, зная, что он следит за каждым её движением.

– Алевтина Павловна, – притворно нежным голосочком обратилась девочка к учительнице, которая в этот момент проставляла оценки в журнале. – Неужели никак нельзя было остановить эти войны и истребление оседлого народа?

– Кочевников было слишком много, – учительница печально покачала седой головой и посмотрела в окно, по которому текли обильные потоки воды. – Они были непримиримы. И они не желали останавливаться.

– Неужели нельзя было дать им отпор? – со странным насмешливым выражением спросила Нина, и половина учеников посмотрела на неё с удивлением. – Чтобы закончить нападки... Ведь наверняка было оружие...

– Я прямо ушам своим не верю! – возмутилась учительница. – Белоусова, как ты себе представляешь это?! Отказаться от самой главной идеи ненасильственного развития, которую с самого зарождения развивал и хранил наш народ?! Бросить науку и искусство?! Тоже взять

в руки оружие?! Уподобиться дикарям и варварам?! Я вижу, ты очень плохо поняла эту тему. Останешься после уроков, и мы вместе ещё раз всё прочитаем!

– После уроков я иду помогать на ферму, – недовольно надулась девочка, раздражённо поведя плечом.

– Ничего, ты вполне можешь задержаться на двадцать минут, – категорично заявила Алевтина Павловна и поджала губы, глядя на ученицу осуждающе.

Миша был восхищён невиданным бунтарством Нины, которая заметно отличалась от остальных одноклассников. И не только своей красотой и высоким ростом, но и каким-то особым отношением к жизни, которое зачастую балансировало на грани дозволенного.

Прозвенел звонок, но ученики остались на своих местах, потому что знали, что звонок предназначен в первую очередь для преподавателей, а уже потом для них. Только когда учительница закончила проставлять оценки в электронном журнале и вышла в коридор, все вскочили с мест.

Миша поправил галстук, чуть слышно откашлялся и медленно направился в сторону Нины, которая весело обсуждала с остальными девочками жёсткие правила, установленные в отношении женской школьной формы. Она возвышалась над ними как минимум на голову и казалась взрослее. И красивее всех.

– А я вообще слышала, что такая форма представляет собой самое лакомое для педофилов, – выдала Нина, и несколько девочек тут же захихикали, переглядываясь с заговорщицким видом.

Миша не понял шутки, потому что не знал, кто такие педофилы. Равно как не знали этого и остальные одноклассники. В нерешительности он замер за её спиной, интуитивно подозревая, что в сказанном скрывалось что-то неприличное. А неприличное ему категорически не нравилось, ведь это выходило за рамки дозволенного. Впрочем, он тут же успокоил сам себя – просто Нина гораздо более развитая, чем большинство сверстников. И знает о жизни больше, чем они. Если бы он сам знал, кто такие педофилы, то, скорее всего, ему эта шутка показалась бы забавной, а не неприличной.

Нина оглянулась и посмотрела на него в упор. А потом склонилась к лучшей подруге, Наташке Васнецовой и что-то шепнула той на ухо. Наташка прыснула со смеху, Миша вспыхнул и как ошпаренный выскочил из кабинета.

Шагая по коридору, мальчик миновал несколько дверей и остановился возле кабинета химии, из которого слышалось какое-то еле слышное жужжание. Миша развернулся к окну и взгляделся в серое тяжёлое небо, которое уже третий месяц подряд изливало из себя огромные массы воды.

– Всё-таки странная весна какая-то, – пробормотал он еле слышно, рассеянно разглядывая тёмно-зелёную листву пальм, растущих в маленьком школьном парке.

Мысли унеслись далеко, он даже перестал замечать крики и беготню учеников в коридоре. Миша усиленно раздумывал над тем, как ему пригласить Нину на выпускной бал. Это радостное и церемониальное событие должно было стать знаковым рубежом, чтобы обозначить переход выпускников во взрослую жизнь. И ему хотелось сделать что-то по-настоящему взрослое, чтобы продемонстрировать всему миру и себе самому, что он наконец-то стал мужчиной. «Запоздало стал», – неизменно прокомментировала бы бабушка, вечно недовольная средними успехами внука.

С пальм взгляд мальчика переместился на здание Министерства Экономики, стоящее через дорогу, а с его стеклянных башен неизбежно соскользнул на крутые склоны гигантского Эвереста, смутно проступающие сквозь серые облака. Поверхность главной горы Западных Альп казалась почти чёрной из-за густого елового леса, насквозь пропитанного бесконечными дождями. Впрочем, водой, кажется, был пропитан не только лес, но уже и весь мир. Огромная

гора уходила в небо, и увидеть её вечно заснеженную вершину при такой погоде было невозможно.

Звонок с перемены вырвал Мишу из раздумий, и он бросился обратно в кабинет, куда уже входил преподаватель по литературе.

Литературу Миша не любил и на отличную оценку не претендовал, поэтому сильно и не старался. К тому же, сегодня он мог вообще расслабиться, потому что уже гарантированно заработал твёрдую четвёрку, написав за семестр больше всех аналитических работ и сочинений-фантазий. Преподаватель озаботился троечниками и двоечниками, и это позволило Мише весь урок промечтать о танцах с Ниной, светлая голова которой маячила впереди. Он украдкой рассматривал нежную белокожую шею и грезил о совместной прогулке по Праге в эти выходные. Красивая мангровая заводь с каменными мостиками и вечно голодными голубыми лебедями подарила бы им нужную романтическую атмосферу... И как знать...

Литература завершала сегодняшнюю учёбу. Когда прозвенел звонок, Миша убрал учебный планшет в рюкзак, бросил молниеносный обожающий взгляд на Нину и выскочил в коридор.

У девятых и десятых классов сегодня значился день обязательных общественных работ. За вторую половину дня следовало сделать очень много дел, поэтому Миша не позволил себя терять время понапрасну, а быстро спустился на первый этаж, купил в столовой булочку и пять варёных сосисок (получив из-за этого осуждающий взгляд поварихи, которая явно порицала такую несдержанность в расходах и потреблении), забрал из гардероба пластиковый дождевик сдержанного синего цвета, оделся и выскочил под дождь.

На улице оказалось непривычно прохладно. Сильный ветер спускался с гор и дул вдоль проспекта Пушкина, колыхая ветви взъерошенных персиковых деревьев. Под пеленой дождя Москва была не похожа сама на себя. Миша поёжился, застегнул поплотнее дождевик и потрусил в сторону автобусной остановки. Обычно он старался перемещаться пешком, как и всякий сознательный москвич, но фермы находились далеко, на краю города, у Чёрных скал. В принципе, и туда можно было дотопать ногами, но такой вариант казался Мише в высшей степени нерациональным – и слишком энергозатратно, и слишком долго. Драгоценное время следовало беречь.

К тому моменту, когда подошёл автобус, следующий до Чёрных скал, на остановке собралось больше сорока учеников старших классов, которым сегодня по разнарядке достались работы с животными. Сильный порывистый ветер трепал дождевики и швырял в лица крупные капли дождя, поэтому дети стояли сгорбившись и сбившись в плотную толпу, защищая от порывов ветра девочек, которых поставили в середину.

Длинный сочленённый автобус, состоящий из трёх сегментов, ловко вырулил из-за угла и быстро подкатил к остановке, дети оживились и радостно загалдели. Пропустив вперёд девочек, Миша зашёл в автобус в числе последних. Кирилл из параллельного класса не упустил случая наступить ему на ногу, и Миша посмотрел на него неприязненно, но удержался от нехороших слов, противоречащих принципам настоящего пионера. Правила и воспитание требовали, чтобы дети всегда оставались миролюбивыми и дружелюбными по отношению ко всем гражданам, но Миша с Кириллом были заклятыми врагами с самого первого класса, и это невозможно было изменить...

Миша быстро приложил левое запястье к сканеру, оплачивая проезд, и пробрался к заднему окну, где находилось его любимое место.

Автобус бодро колесил по центральному проспекту, собирая продрогших учеников других школ, но Миша этого почти не замечал. Уставившись невидящим взглядом на стекло, по которому текла вода, он размышлял о Нине. Ему не давал покоя вопрос, почему же Нина так сильно отличается от остальных одноклассников. Возможно, она и правда особенная. Но что, если это всего лишь любовь? И только поэтому она кажется ему особенной и ни на кого не

похожей... Эта мысль Мишу напугала, потому что подобные эмоции в его возрасте считались неприемлемыми и категорически порицались обществом. В защиту себя самого он тут же стал приводить доводы, что Нина такая необычная из-за того, что отец у неё тоже необычный. Как-никак профессор иностранных дел. Наверняка, очень умный человек. И ему досталась самая тяжкая ноша – работать с теми, *снизу*...

Тут его мысли перешли на тех, кого он ненавидел по-настоящему, всем разумом – на обитателей равнины.

– Чёртовы ублюдки, – прорычал он еле слышно страшное ругательство, которое недавно случайно услышал от отца, читающего городскую газету. Миша был горд тем, что не только узнал запрещённое слово, но и применил его по назначению в нужный момент.

Злобные и жестокие кочевники уже давно покончили бы с мирной прекрасной Москвой, если бы не Край – это невероятное по масштабам монументальное сооружение. Суровый и надёжный облик границы их мира тут же всплыл в памяти. Гигантская бетонная стена бережно оберегала город со всеми его обитателями, отделяя его от внешнего мира, в котором царили лишь жестокость, насилие и смерть...

Автобус миновал пригороды и выехал к многоуровневым фермам, прилепившимся к чёрным голым отвесным скалам. Миша вышел из автобуса и запрокинул голову, чтобы разглядеть ряды нависающих друг над другом коровников и свинарников, похожих на соты диковинных насекомых-великанов. Вместе с остальными детьми он дошагал до наземной проходной. Там хмурый охранник строго проследил за тем, чтобы каждый школьник приложил запястье к сканеру, отмечая начало общественных работ.

В комнате позади проходной было тепло и ярко. Старший смены, большой хмурый мужик быстро и равнодушно распределил детей по участкам и снова засел за какие-то расчёты.

Мише сегодня досталась работа с коровами, которых выращивали на пятом уровне. Большая часть ребят бросилась к лифту, но Миша чуть презрительно фыркнул и пошёл по лестнице, потому что хотел закалиться и стать сильнее. Войдя в служебное помещение, мальчик вежливо поздоровался с бледными невесёлыми доярками, которые отдыхали между дойками. Миша завернул в небольшую раздевалку, быстро сменил школьную форму на рабочий комбинезон, стараясь складывать одежду так, чтобы ни в коем случае не помять рубашку и галстук.

Взяв совковую лопату, Миша прошёл в хлев, в котором выращивались и содержались животные, дающие молоко. Конечно, он был не в восторге от выгребания навоза из стойл, вряд ли такая работа кому-то могла показаться приятной. Но важное и нужное дело мальчик выполнял со всей ответственностью и тщательностью. Общество нуждалось в помощи Миши, и он добросовестно отдавал свой долг, внося посильный вклад в общее развитие нации.

Выбрав момент, когда его никто не мог видеть, Миша достал из кармана пакетик с сосисками, поделил их на несколько кусочков и быстро скормил нескольким ближайшим коровам, которые жадно хватили соевый заменитель тёплыми мягкими губами и поспешно жевали. Миша любил этих безропотных тупых животных, вся жизнь которых протекала в тесных сумрачных стойлах. Всё, что им оставалось – это молча и без лишнего движения стоять и непрерывно жевать растительный концентрат, доставленный с лондонских гидропонных полей. «Незавидная участь, – подумал мальчик, глядя одну из коров по бархатной фиолетовой морде, – всю жизнь исправно давать молоко, а потом умереть от удара током, когда твоя производительность опустится до неэффективного уровня».

Мише было жаль несчастную скотину, жизнь которой не имела смысла: коровы не могли совершать выбор и, тем более, управлять своими жизнями. И весь кругозор несчастных животных ограничивался лишь коровником, который составлял их мир.

– Как хорошо, что мы, люди, полностью управляем своей судьбой, – бормотал он, нежно поглаживая влажный упругий нос и тёплую фиолетовую морду. – А благодаря образованию ещё знаем, как устроена жизнь...

Миша спохватился, что пауза слишком затянулась, и с новой силой приступил к уборке навоза. Папа всегда учил его, что время, отпущенное на работу, нужно использовать максимально эффективно и толково, не позволяя ни одной секунде пропасть зря. Поэтому мальчик честно выполнил всю порученную работу и освободился за пятнадцать минут до окончания смены.

Он чувствовал себя уставшим, но всё равно с удовольствием помог дояркам настроить два доильных аппарата (техник-настройщик уехал на фермы под Прагой и не успел бы к основной вечерней дойке), а под конец сделал укол больному телёнку, который не мог стоять на ногах.

Мальчик по-настоящему гордился своей стойкостью и полезностью. Как-никак он преодолел слабость тела и подтвердил тезис, что пионер всегда должен быть готов к труду и обороне.

Когда для школьников прозвучал сигнал окончания смены, Миша принял еле тёплый душ, растёрся старым маминым полотенцем и быстро оделся, трясаясь от холода.

На выходе с фермы он столкнулся с мрачным недовольным Кириллом и снова почувствовал в себе неподобающие эмоции, которые пришлось гасить усилием воли, хотя очень хотелось дать по наглой роже. Помимо застарелой вражды Миша испытывал к Кириллу презрение, потому что тот был неисправимым троечником. Из таких непутёвых людей никогда не получалось ничего хорошего. Вот и из этого ученичка вырастет очередной чернорабочий, который не будет представлять никакой ценности для общества, и даже будет паразитировать на нём, пользуясь трудом честных людей.

Автобус подъехал к остановке почти сразу, так что дожdevик намок совсем немного. Пригибаясь под ударами сильного ветра, швыряющего в лицо капли дождя, Миша заскочил в салон и вздохнул с облегчением. Привычно забившись в угол возле заднего окна, он извлёк из портфеля булочку и принялся жадно жевать – его обуревал жуткий голод. Когда от булки оставалась только треть, он случайно повернул голову и увидел худощавого мальчика, который глотал слюни, глядя на него.

Миша не стал задаваться вопросом, почему родители не снабдили ребёнка необходимой едой, а молча протянул ему оставшийся кусок и отвернулся к окну, довольный собственным благородством. Конечно же, он и сам был голодным. Но этот кусок булки всё равно не сделал бы его сытым, зато получилось помочь нуждающемуся человеку. К чему бы пришло их миролюбивое общество, если бы они не помогали друг другу...

Тем более, когда непримиримые враги по-прежнему продолжали досажать им.

От автобусной остановки до дома Миша почти бежал. Усилившийся дождь подгонял его, заливая ботинки и умудряясь проникать даже под длинный дожdevик. По пути Миша успел заметить небольшую толпу горожан, собравшихся на Площади Спасения. Люди что-то шумно и взволнованно обсуждали, ему очень хотелось присоединиться к ним и узнать подробности неурочного собрания. Но время поджимало, и Миша не стал останавливаться. Тревожно поглядывая на часы, он перепрыгивал через глубокие лужи и потоки воды и раздумывал над тем, как же ему набраться смелости и пригласить Нину.

В дверях подъезда он столкнулся с престарелой соседкой.

– Мальчик! – обрадовалась она, подслеповато шурясь и стуча палкой об каменный пол. – Какой сегодня день?

– Двадцать девятое февраля, – вежливо ответил Миша, опасливо косясь на трость, которой уже не раз незаслуженно получал раньше.

– А снег уже растаял? – громко спросила древняя старушка, глядя на него пустыми блеклыми глазами, от которых по спине мальчика побежали мурашки.

Она вся безостановочно тряслась и то и дело поправляла растрёпанные седые волосы. Из-под мятого зимнего пальто (слишком тёплого для этого времени года) выглядывали полы цветастого халата.

– У нас не бывает снега, – вежливо поправил он её, потихоньку протискиваясь боком к лестнице, но стараясь, чтобы это не походило на слишком неприличное бегство.

– Что ты такое несёшь?! – закричала она злобно, замахиваясь палкой. – Всегда в марте лежит снег! У нас на даче в Подмоскowie он до апреля иной раз лежал! Ты меня обманываешь! Негодяй! Ты такой же, как они! Ты!..

– Извините, мне надо идти, – Миша отскочил от соседки и побежал вверх по ступенькам, внутренне содрогаясь от собственной невоспитанности.

Ведь она пожилой человек, и он должен был довести разговор до логичного завершения (вон она там что-то продолжала кричать ему вдогонку), но вместо этого трусливо сбежал. Откровенно говоря, каждый раз, оказавшись с ней рядом, он ощущал неприятный страх при виде того, что с людьми может сделать старость.

Вот и подумаешь иной раз о том, что академик Петренко был прав, когда предлагал ограничить предельный возраст граждан страны...

Он шумно ввалился в прихожую и чуть не столкнулся с мамой, которая быстрыми ловкими движениями мыла пол.

– Стоять! – приказала она, грозно сверкая глазами и тряся волнистой чёлкой. – Ни шагу больше! Разувайся и раздевайся на коврик! С тебя водопад льётся!

– Ну так дождь же, – проворчал он, аккуратно стаскивая с себя дождевик и вешая его в сушильный шкаф.

– На ферме был? – строго спросила мама, размашистыми движениями отмывая пол от жирной грязи, которую натащил кто-то, пришедший до Миши. Тряпка жадно чавкала и натужно переваривала частички земли, смешанные с песком.

– Разумеется, – Миша стянул насквозь мокрые ботинки и тоже поставил их в шкаф для просушки. – Сегодня коровы.

– Молодец. Через десять минут придёт отец и будем ужинать. Пока можешь помочь Маше с историческим проектом.

– Да, мама, – послушно ответил он, проскальзывая мимо неё и приносясь к запахам с кухни. В животе у него тут же предательски заурчало от голода.

Младшая сестра обнаружилась в своей комнате. Она сидела за столом и сосредоточенно ковыряла в носу.

– Ты так доковыряешь дырку до самого глаза, – припугнул он её.

Маша поспешно вытащила палец, с сомнением оглядела результаты раскопок и аккуратно вытерла его об юбку.

– Это ты там грязи натащила? – строго спросил он, беря в руки учебник по начальной истории.

– Я в лужу упала, – с самым невинным видом она вытаращила на него голубые глазёнки, но он не поддался на этот приём.

– Опять с Маринкой в школьном саду червяков ковыряли, небось... Что тебе задали?

– Надо нарисовать изначальную Москву, – пропищала она тоненьким голосочком, тыкая пальчиком в листок бумаги, на котором уже было что-то намалёвано.

– В первой Москве были очень широкие улицы, – сообщил он ей. – Этим она в первую очередь и отличается от нашей Москвы. А почему?

– Потому что они боялись столкнуться, когда бегали? – спросила она, подвигая листок к нему поближе.

– Потому что у них было очень много места. Город стоял на равнине и раскидывался по земле, как только хотел. А наша Москва теперь зажата между водохранилищем и крутыми

неприступными горами, у нас места совсем немного, – он подвинул лист обратно и указал на серый карандаш. – Машка, какая же ты хитрая. Ну-ка, давай, сама рисуй широкую улицу в середине!

Он проследил за тем, как маленькая ручонка провела две неровные линии.

– А что ещё отличало первую Москву?

– Что? – сестра принялась болтать ногами.

– У них дома стояли отдельно, а не как у нас, сплошными рядами.

– Это как? – искренне удивилась она.

– Давай, покажу, – он со вздохом выхватил у неё карандаш. – Но это первый и последний раз, когда я за тебя делаю. Потом сама будешь...

Несколько минут Миша увлечённо чертил улицы и дома, старательно придавая рисунку налёт детской наивности и топорности. Он как раз заканчивал клумбу перед школой, когда в прихожей хлопнула дверь.

Миша тут же бросил карандаш.

– Машка, дальше сама дорисовывай, – велел он и ушёл в прихожую.

Он стоял и смотрел, как папа раздевается и разувается.

– А его ты не заставляешь делать это на коврике, – укорил он маму.

Родители рассмеялись, мама ушла в кухню, а папа протянул сильную руку и ласково потрепал сыну волосы.

– Дети! – крикнула мама. – Всем мыть руки и за стол!

Мишу не надо было просить дважды. Подгоняемый чувством голода, он послушно прошёл в ванную комнату. Пустив прохладную воду тонкой струйкой (чтобы беречь водные ресурсы природы), он намылил руки серым мылом, пахнущим химией, и на всякий случай умыл лицо.

Когда он вошёл на кухню, мама уже доставала из приёмника алюминиевые контейнеры с едой. Шипя и обжигаясь, она перенесла их на обеденный стол.

– Что-то сегодня очень горячие, – она укоризненно покачала головой.

– Ну это ж отлично, значит, свежее, а не разогретое, – заметил отец, входя в кухню и усаживаясь на своё место во главе стола. – И что там у нас сегодня?

– А сегодня комбинат предлагал три комплекта на выбор, – мама достала пластиковые вилки из ящика стола и разложила их возле контейнеров. – Я решила, что нам не помешают рыба и водоросли.

– М-м-м, рыба! – довольно воскликнул Миша, падая на своё место. – Нямка!

Он аккуратно снял крышку со своего контейнера и с удовольствием вдохнул вырвавшийся ароматный пар. Сестра примчалась из ванной, демонстративно вытянув перед собой мокрые руки с растопыренными пальцами.

Семья приступила к еде, и все разговоры прекратились, потому что болтать во время еды было не только неприлично, но и опасно для жизни. Миша ловко отделял нежно-голубоватые кусочки мяса от кости и отправлял в рот. Смеющимися глазами он смотрел на сестру, которая с наморщенным от усилий лбом упрямо сражалась с рыбой и водорослями – еда валилась с вилки, но девочка снова и снова отправляла её в рот, следуя правилу, что пионеры никогда не сдают и не бросают дело на полпути.

Они почти закончили ужин, когда хлопнула входная дверь.

– Я дома! – крикнула Тамара.

– Испачкаешь пол – убью! – предупредила мама, бросив быстрый взгляд на папу, который в свою очередь посмотрел на часы и сжал губы.

– Мы сегодня проводили такой интересный опыт! – громко сообщила старшая сестра, стуча дверцами сушильного шкафа. – Но один из реактивов оказался просроченным, и реакция пошла медленнее! Нам с Лизкой пришлось сидеть и ждать её завершения!

– Но ты сделала всё, что должна была? – беспокойство по поводу успеваемости дочери отразилось на мамином лице.

– Ну я же умничка! – крикнула Тамара теперь уже из ванной. – Валентин Иванович отнёсся с пониманием к нашей задержке. И сам ради нас немного задержался, чтобы мы написали отчёт как следует. А ведь ему сегодня ещё на складе работать.

Сестра вошла в кухню и тут же чмокнула отца в щёку, посмотрев на Мишу весёлыми сияющими глазами.

– Папуля, как ты?

– Ешь, лиса, – он тут же оттаял. – А то остынет. Холодную рыбу есть невозможно.

Миша доел свою порцию и положил вилку на стол. У него на вечер была назначена куча дел, но ему хотелось побыть с семьёй ещё хотя бы пару лишних минут. Поглядывая попеременно на родителей и сестёр, он чувствовал в груди что-то сладкое и приятное. Слова любви прямо рвались из него наружу, но он прекрасно помнил папино наставление, что любовь выражается в делах и отношении, а не в словах. Поэтому Миша сдержал себя и встал из-за стола.

Он поставил контейнер возле приёмника общественной кухни, поблагодарил родителей и быстро ушёл в свою комнату. Усталость после работы на ферме давала знать о себе, но Миша не позволил лени и праздности одержать верх. Он сел за стол и принялся делать уроки, полностью отогнав от себя все посторонние мысли и сосредоточившись на учебном материале.

Он заканчивал учить новый параграф по истории, когда в комнату зашла мама. Какое-то время она возилась в его шкафу, просматривая одежду.

– Опять галстук весь помятый.

Миша вздохнул и прервался.

– Я старался.

– Пионерский галстук всегда должен выглядеть идеально, – строго сказала мама, неодобрительно глядя на грязные штаны, которые он небрежно набросил на спинку стула.

– Я знаю, мама, – снова вздохнул он, героически борясь с предательским желанием немедленно отправиться в кровать.

– Ты Машке какой-то странный город нарисовал, – заметила она, беря в руки его планшет и просматривая оценки и записи учителей. – Откуда такие фантазии?

– Никаких фантазий. Нам Сергей Владиленович показывал три фотографии изначальной Москвы.

– А откуда он их взял? – удивилась мама, одобрительно качая головой при виде свежих пятёрок. – Я не знала, что такие вообще есть.

– Не знаю, – Миша пожал плечами.

Мама вышла из комнаты, и он продолжил учёбу. Но теперь его мысли то и дело возвращались к маминой фразе. А ведь и правда – откуда могли взяться фотографии первой Москвы? Она ведь была разрушена задолго до изобретения фотографии... Вот же чудно. Но как такое может быть?

Тут он встал и направился к отцу, который сидел возле домашнего компьютера и с обеспокоенным видом читал свежую вечернюю газету.

– Пап, а разве могут существовать фотографии изначальной Москвы?

– Что?! – отцовы густые брови полезли на лоб от удивления. – Не могут, конечно.

– А если я их видел?

– Ты видел такие фотографии? – тот удивился ещё сильнее.

Миша просто кивнул.

– А кто тебе их показывал?

– Наш преподаватель географии.

– Нет, такое в принципе невозможно, – категорично заявил отец, мотая головой. – Когда наш народ оставил изначальную Москву, искусство фотографии ещё не было изобретено. Мы

знаем о том, как она выглядела, только по летописям, которые удалось сохранить только благодаря тому, что они передавались из уст в уста, как говорится. Так что это в любом случае искусная подделка, не более. Просто чьи-то фантазии. Не бери в голову.

Отец снова углубился в чтение газеты, а Миша вернулся в свою комнату. Он быстро доучил последний абзац и поставил планшет на зарядку.

– Вот же твари! – вдруг воскликнул отец, и Миша от неожиданности подскочил на месте.

– Тише! Опять плохое слово! – шикнула мама. – Что случилось?

Миша на цыпочках подкрался к двери и застыл, напрягая слух до предела.

– Группа боевиков *снизу* снова попыталась забраться на гору в районе Лондона, чтобы проникнуть на нашу землю, – горячо зашептал папа, а Миша похолодел от такой шокирующей новости, замерев у выхода из комнаты. – У них с собой были бомбы, чтобы осуществить взрыв лондонской дамбы!

– Какой кошмар! – воскликнула мама в испуге, и Миша тут же представил её бледное изволнованное лицо. – Гриша, ну почему даже сейчас они не хотят оставить нас в покое?! Ведь они и так отобрали у нас всё, что мы имели! Даже нашу родную землю! Их поймали?

– Их расстреляли, – успокоил её отец. – Наши доблестные пограничники вовремя заметили их и расстреляли. Всех до единого...

Дальше они принялись шептаться, а Миша юркнул обратно в комнату, испытывая жгучий стыд за своё подслушивание. Он сел на узкую жёсткую кровать и попытался успокоиться. Но от услышанного сердце против воли билось чаще обычного. Ещё бы – опять *снизу* им напомнили о том, что даже сейчас их Родина остаётся в опасности. Угроза сохраняется, и гражданам страны не стоит расслабляться и прохлаждаться!

Чтобы закрепить свой патриотический порыв, Миша бросился на пол и старательно отжался двадцать раз, хотя усталость всё больше брала своё. Последнее отжимание он совершил сквозь боль рвущихся мышечных волокон. Но зато мальчика переполняла гордость, что он не занимается преступным отдыхом, а готовится защищать любимую страну, если потребуется.

– Хоть сейчас! – порывисто прошептал Миша, прижав правую руку к сердцу и с ненавистью глядя куда-то вдаль, где коварные вероломные враги готовили очередные козни.

Только после этого он позволили себе принять поспешный прохладный душ, внимательно следя за расходом воды, чтобы не нанести семейному бюджету непоправимый урон.

Ложась спать, он представлял себе орду жестоких грязных захватчиков, карабкающихся по дамбе из чёрной бездонной пропасти.

30 февраля

Утром Миша вскочил с кровати на десять минут раньше будильника. Ему не терпелось начать новый день, потому что сегодня можно было сделать много нужного и полезного.

Он на цыпочках проскользнул в ванную комнату и умылся холодной водой, слегка касаясь ладонью куска мыла. Вода освежила его и придала бодрости.

Фыркая и глотая воду, Миша приказывал самому себе наконец-то набраться смелости и сделать Нине предложение. Он буквально накачивал себя решимостью, вспоминая золотистые волосы и хитрые зелёные глаза, которые могли достаться кому-то другому.

Миша уже заканчивал одеваться, когда по сигналу домашнего компьютера проснулись и остальные домочадцы. В квартире разом стало шумно и суетно. Маша завизжала и начала спорить со старшей сестрой за право первой попасть в ванную. В итоге обе получили от отца строгий выговор и замолчали.

Зябко кутаясь в халат, мама вошла к Мише и одобрительно отнеслась к тому, что он уже оказался готов. Она протянула ему выглаженный паром пионерский галстук, ещё тёплый.

– А мне вот всегда было интересно, – пробормотал Миша, завязывая галстук на шее. – Почему они именно красные? Почему не синие или зелёные?

– Это тебе папа лучше объяснит, – мама как-то смутилась и быстро вышла из комнаты, напоследок бросив на сына странный взгляд.

– Вода опять не утекает! – послышался из ванной раздосадованный голос Тамары.

– Наверно, труба забилась, – вздохнул отец, как раз проходя мимо комнаты Миши. – Придётся всё же вызвать вечером сантехника.

– Все завтракать! Быстро! – позвала мама, хлопая дверцей приёмного отделения.

– У меня планшет после зарядки завис! – обиженно сообщила Маша. – Я в школу не иду!

– Хватит хитрить! – строго отреагировала мама. – Ты почему до сих пор не в форме?!

И почему Тамара не сделала тебя косу?

– Я себе-то не успеваю! – тут же отозвалась старшая сестра, выскакивая в коридор в халате и моком полотенце, обёрнутом вокруг головы.

– Опять сырники и омлет! – возмутился отец. – Сколько можно?!

– У них что-то там с мясным оборудованием, – извиняющимся тоном пояснила мама, словно в этом была её вина. – И каши третий день не варят.

– Машка, ты зачем измяла мою юбку! – закричала Тамара.

Миша стоял на пороге своей комнаты и с лёгкой улыбкой слушал, как члены семьи бурно и эмоционально общаются. Он любил такие повседневные моменты, потому что они и составляли суть семейной жизни.

Наконец все собрались за кухонным столом. Мама раздала контейнеры с завтраком, отругала Машу за помятую юбку сестры, отчитала Тамару за слишком длительные сборы и напомнила Мише о том, что вечером ему предстоит навестить бабушку в доме престарелых. Пришлось ему приложить усилия, чтобы подавить тяжёлый вздох и молча кивнуть, потому что отлынивать от этой щекотливой социальной миссии означало не уважать старость и не почитать истоки народа.

Миша не любил навещать бабушку, потому что она нещадно его критиковала и всё время выражала недовольство его «посредственными» успехами. В прошлый раз она целый час ругала внука за четвёрки по литературе и истории и предрекала ему предательство семьи и Родины из-за подобного легкомысленного отношения к культурному наследию нации.

Сырники сегодня оказались на редкость нежными, а вот омлет удручил резиновой текстурой и отсутствием внятного вкуса. Отец начал было ворчать по поводу социальной важно-

сти и нужности отдельных категорий населения, но мама пнула его ногой под столом, и дальше завтрак проходил уже в полном молчании.

Дети вышли из дома одновременно, но на проспекте Миша с младшей сестрой повернули направо, к школе, а Тамара налево, поскольку институт, в котором она училась на металлурга, располагался в южной части города, совсем близко от дамбы. Всю дорогу Маша щебетала не замолкая, но Миша её практически не слушал. Следя за тем, чтобы она не наступала в лужи, он думал только о Нине, к которой никак не мог подступиться из-за позорной робости. Отодвигая ветви персиков, отяжелевшие из-за дождя, он пытался предугадать, как одноклассница могла бы отреагировать на это предложение. Больше всего его беспокоило, что её уже мог пригласить кто-нибудь другой.

– Потому что надо быть решительным пионером, а не соплём, – пробормотал он чуть слышно.

Миша твёрдо решил, что, придя в школу, первым делом подойдёт к Нине и сделает предложение. Но события сразу же пошли по другому сценарию.

Избавившись от Маши, которая с радостным визгом бросилась к одноклассницам, мальчик поднялся на второй этаж и зашёл в класс. Девочки стояли у окна и обсуждали новый фасон школьной формы, который власти собирались внедрить со следующего учебного года.

– Более сдержанный покрой больше соответствует каноническому образу девочки-пионера, – заявила с умным видом Наташа.

– Да чушь это, – слегка высокомерно фыркнула Нина, встречаясь взглядом с Мишей и хитро прищуриваясь. – Они просто экономят ткань и нитки и хотят сократить время на пошив, поэтому и отказались от лишних деталей, убрали все оборочки, дополнительные манжеты и пышные воротники...

Миша не стал слушать дурацкое обсуждение платьев, а прошёл на своё место, положил планшет на стол, а рюкзак поставил на пол справа от ножки. Он оббежал быстрым взглядом остальных одноклассников. Место рядом с ним пустовало, и Миша нахмурился – не в привычках Антона было опаздывать на занятия.

В класс шумно ввалились несколько мальчишек, следом за ними вошёл Сергей Владиленич, и тут же прозвучал звонок. Девочки встрепенились словно стайка испуганных птичек и бросились рассаживаться по местам.

– Доброе утро, ребята, – мрачно произнёс учитель, который выглядел усталым и несколько растрёпанным.

Ученики расселись и затихли. В полной тишине открылась дверь, и в кабинет вошёл Антон, красный и потный от бега.

– Прошу прощ...

Учитель перебил его резким движением руки и отправил на своё место. Система подсчитала учеников и выдала информацию по больным и прогульщикам. Урок пошёл по привычному сценарию.

– Ты чего опоздал? – шёпотом спросил Миша.

– Да у нас там дома с утра такое творится... – махнул рукой заметно расстроенный друг. – Потом расскажу.

Сергей Владиленич объявил небольшую контрольную по материалам предыдущего урока, ученики вошли в особый раздел школьной программы и принялись отвечать на довольно каверзные вопросы. Миша закончил контрольную за три минуты до окончания обратного отсчёта и откинулся на спинку стула, довольный собой. Пока одноклассники сражались с вопросами, он разглядывал золотистые волосы Нины, которая сегодня выглядела особенно обворожительно. И только тогда он обратил внимание на учителя.

Сергей Владиленич сидел, уставившись в стол и словно позабыв про учеников. Всегда жизнерадостный преподаватель сегодня производил странное впечатление. Он казался очень

удручённым и даже нездоровым. Миша удивился, разглядев помятую рубашку и непричёсанные волосы.

Система объявила об окончании теста и заблокировала опросные листы. Ученики разом загалдели, обсуждая вопросы и ответы, но учитель этого как будто не заметил. Всё так же глядя в поверхность столешницы, он о чём-то напряжённо размышлял, и по его бледному лицу катились крупные капли пота, хотя в кабинете царила приятная прохлада.

– Сергей Владиленович, – позвала Настя, но он её не услышал.

В этот момент с силой распахнулась дверь. Она со стуком ударилась о стену, и учитель подскочил на месте от испуга. Впрочем, многие ученики тоже вздрогнули от неожиданности.

В кабинет влетел разгневанный отец Антона, за ним следовала встревоженная и расстроенная директриса. Миша быстро посмотрел на друга и поразился его бледности. Антон сжал бескровные губы и немного съехал под стол, желая, видимо, провалиться сквозь землю от стыда.

– Но Борис Владим...

– А я вам говорю, Серафима Степановна, что я его забираю! – агрессивно воскликнул тот, взглядом выискивая сына среди учеников. – Антон, вставай, мы уезжаем!

– Но нельзя же вот так за месяц до экзаменов!

– Что случилось? – спросил Миша у друга. Ему стало не по себе от странности происходящего.

– Мы уезжаем жить в Лондон, – друг прикусил губу, чтобы не заплакать.

– Почему так срочно? – поразился Миша. – Почему не сказал?

– Я сам узнал только час назад. Я не хотел ехать.

– Антон, пошевелись! – приказал Борис Владимирович, подходя к их парте и хватая планшет сына. – Машина ждёт нас уже десять минут! Зачем ты вообще пришёл сюда?!

– Пока, – чуть не плача сказал Антон Мише, вставая и следуя за отцом.

Он покраснел от стыда и втянул голову в плечи, огорчённый всеобщим вниманием.

«Но как же так?! – хотелось закричать Мише, поражённому неожиданным отъездом лучшего друга. – Мы ведь даже не попрощались!».

Дверь захлопнулась, и в кабинете установилась гробовая тишина. Всё произошло настолько стремительно, что никто даже опомниться не успел. Миша сидел словно оглушённый, не в силах поверить в происходящее. Почему в Лондон? Почему сейчас, за месяц до окончательных экзаменов, которые должны определить всю их дальнейшую жизнь?! Почему так срочно? Почему Антон не сказал ничего вчера? Почему не предупредил?

Миша обиделся на друга, который не поделился с ним такими важными новостями. Как это понимать?

– Давайте продолжим урок, – учитель наконец-то пришёл в себя. Потирая потное лицо, он указал на Нину. – Белоусова, расскажи нам, чем отличается климат южного побережья от северного побережья.

– Да легко, – девочка встала, поправляя юбку из тёмно-коричневой плотной ткани. – Северное побережье располагается на экваторе, поэтому там наблюдается высокая влажность из-за того, что прогретый солнцем океан активно испаряет воду. Именно поэтому циклоны один за одним идут в наши горы и проливаются обильными дождями. А вот на южном побережье, как и на восточном тоже, океан холодный, плюс там ещё и холодное течение с южного полюса, поэтому там воздух сухой и дожди практически не выпадают.

– А западное побережье? – буркнул Сергей Владиленович.

– Там вода достаточно прогревается, но из-за того, что воздушные массы перемещаются с востока на запад из-за вращения планеты, то влажные воздушные массы уходят дальше в океан, где и идут дожди.

– Таким образом...

– Таким образом, на нашем материке дожди могут идти только в северной части, где живём мы. Горы выступают в роли конденсатора, охлаждая влажный воздух и забирая из него воду. Из дождей образуются шесть рек, которые покидают горы и дальше текут на юг, по поверхности континента, и впадают в море на южном побережье, – с довольным видом завершила ответ Нина. – Ну, раньше покидали и текли, если уж совсем быть точной.

– Не стоит развивать эту тему, – учитель оборвал её нервным взмахом руки. – Вам ещё рано говорить о политике. Садись. Кто может рассказать, чем обусловлены аномальные ливни этого февраля? Почему дождь идёт уже тридцать седьмой день подряд, и пока прогнозы неутешительные?

Миша вскинул руку одновременно с Аркадием. И довольно улыбнулся, когда палец преподавателя уткнулся в него.

– Я думаю, что это из-за того, что в северном полушарии идёт процесс образования новой суши. Об этом упоминали в новостях и в программе «Вокруг планеты». Столкнулись две литосферные плиты, тринадцать вулканов начали извергаться одновременно. Выбросы пепла и сажи в воздух такие значительные, что повлияли на климатические процессы. Морские и воздушные течения сместились. Из-за этого у нас прохладнее, чем должно быть в феврале, и всё время идёт дождь.

– Да, верно мыслишь, – буркнул Сергей Владиленович. – Ты хорошо связал эти явления.

– А не получится ли, что воды в водохранилище станет слишком много? – спросил Максим, дом которого как раз находился возле дамбы.

– Хранилище настолько огромное, что понадобятся годы, чтобы его наполнить и переполнить, – в голосе учителя, однако, сквозило столько неуверенности, что никто ему не поверил.

– Тогда надо будет слить лишнюю воду, только и всего! – поумничал Аркадий, недовольный тем, что ему не дали ответить.

– Совсем ты идиот, что ли?! – фыркнула Нина, не поворачивая головы. – И подарить воду этим *снизу*, когда мы уже почти заставили их подписать мирный договор?

– Не стоит так говорить! – воскликнул преподаватель и нервно хлопнул ладонью по столу. – Ты бы говорила иначе, если бы знала всю правду!

Ученики затихли, глядя на него. Сергей Владиленович нервно провёл рукой по лицу и встал, пряча глаза. Он хотел что-то сказать, какие-то важные слова уже были готовы сорваться с бледных губ, как вдруг включилась громкая связь:

– Сергей Владиленович, срочно явитесь в кабинет директора, – дрожащим голосом объявила директриса и отключилась.

Учитель переменился в лице и замер, глядя в никуда. Мише даже показалось, что он как будто испугался.

– Читайте следующий параграф, – бросил преподаватель и поспешно вышел из кабинета.

Миша пожал плечами и уставился в окно. Потoki воды стекали по стеклу, а в тёмных облаках, нависших над городом, то и дело сверкали молнии. Погода как нельзя лучше соответствовала плохому настроению. Миша думал об Антоне, который поступил так некрасиво и не сообщил ему об отъезде. Объяснение этому могло быть одно – он не считал Мишу лучшим другом. Хотя и говорил всё время обратное. Нет, в это невозможно было поверить. Ведь они так замечательно дружили с первого класса! Вместе проводили много времени после занятий, вечно делали совместные проекты, помогали друг другу с уроками, участвовали в театральном кружке и вместе помогали пенсионерам в составе тайной тимуровской команды. Как Антон мог так поступить?!

Звонок известил об окончании урока и прервал тяжёлые мысли. Ученики встали, растерянно глядя на пустое учительское место. Сергей Владиленович так и не вернулся в класс и не завершил свою сессию в образовательной системе.

Думать о странности поведения учителя не было времени, следующим уроком значилась физкультура, и нужно было перейти в другой конец здания, чтобы ещё успеть переодеться. Ребята дружно покинули класс.

Уроки покатили сплошной чередой, и Мише уже некогда было задумываться о предательстве друга. После физкультуры они как следует поломали мозги на геометрии, затем поупражнялись в красноречии на литературе, провели несколько захватывающих опытов на химии, а в заключение на уроке истории провели кропотливую работу по воссозданию исторического поселения, предшествовавшего появлению первой Москвы. К его досаде Миша допустил ряд исторических неточностей, чем вызвал недовольство Алевтины Павловны и снисходительный смешок Нины. И ещё неизвестно, что расстроило его больше.

– Итак, вы получили задание на сегодня! – учительница закончила проставлять оценки за урок. – Каждая пара должна сконструировать убедительную сцену из жизни пра-Москвы длительностью до пяти минут. И представите их на следующем уроке.

Миша немедленно поднял руку.

– Антон... уехал, у меня нет пары.

– Да, я знаю, – как-то смутилась преподавательница и задумалась на пару секунд. – Тогда объединитесь с Ниной, тем более что её напарница уже вторую неделю на больничном.

Миша вспыхнул и перестал дышать на несколько мгновений. Нина изящно повернулась и смерила его насмешливым взглядом. Мальчика ещё больше бросило в жар, и он резко уставился в свой планшет, делая вид, что печатает там что-то важное. Сердце заколотилось как сумасшедшее, он бездумно и хаотично тыкал пальцем в экран, а сам пытался взять себя в руки.

Урок закончился, одноклассники радостно вскочили со своих мест, а Миша всё смотрел невидящим взглядом на экран электротетрадки и набирался сил, чтобы поднять глаза. Но когда ему это удалось, он обнаружил, что Нина уже ушла.

Миша вскочил, поспешно засунул планшет в рюкзак и бросился вон из кабинета. Быстро шагая по коридору и отмечая краем глаза резкие порывы ветра, швыряющие горсти капель в стекло, он всё выискивал в толпе школьников высокую фигуру с прямыми золотистыми волосами. В буфете он купил булочку и стакан молока, почти не жуя проглотил еду и поспешил в гардероб. Натягивая дождевик, он раздумывал над тем, как ему совместить задания преподавателя и родителей, каждое из которых было не менее важным, чем второе.

«Бабушка вообще-то могла бы иногда и сама приезжать в гости», – подумал он с раздражением и немедленно ужаснулся такому гадкому поступку.

– Вот ты где! – воскликнула Нина, внезапно появляясь из-за спины, и Миша против воли вздрогнул всем телом.

Стыд от нечаянно продемонстрированного страха соединился с робостью, которая нападала на него только в присутствии самой прекрасной девушки на земле. Миша сделался пунцовым и с усилием сглотнул слюну.

– Ну что, готов воссоздать сцену из глубин веков? – с привычной насмешкой спросила она, собирая волосы в хвост.

– Я... да... я готов... – мальчик закашлялся.

– Я предлагаю создать торговую сценку, это будет и забавно, и интересно. Будешь продавать мне горшок для мёда, а я буду привередничать, – Нина приняла от работницы гардероба элегантный ярко-жёлтый дождевик и придирчиво сжала губы, видя пятно на обшлаге правого рукава.

– Да, можно... да, – проблеял Миша, злясь на самого себя.

– Слушай, на уроках тебя хлебом не корми, дай только языком почесать, – усмехнулась она, глядя на него с заметной издёвкой. – А сейчас как будто язык откусил. Или как будто засунул его себе в жо...

– Нельзя такое говорить! – он поспешно огляделся, чтобы убедиться, что их не услышал никто из учителей. Ещё не хватало, чтобы его потом распинали на пионерском собрании.

– А ты всегда делаешь только то, что можно, да, послушный мальчик? – её едкий сарказм мог бы растворить кусок металла.

– Мне к бабушке надо сейчас! – выпалил он, чтобы переменить тему.

– В «Сиреневые дали»? – Нина с пониманием кивнула, попутно застёгивая молнию дождевика и накидывая капюшон на голову. – Внучачий долг, что ж, понимаю. Во сколько освободишься?

– Бабушка хочет, чтобы я проводил с ней хотя бы час.

Она посмотрела на наручные часы.

– Так, ну давай, неси ей пирожочки, а к пяти часам тогда к нам и подходи. Жёлтый дом возле министерства. Позанимаемся с тобой... чем-нибудь интересным.

Девочка лукаво улыбнулась, а потом и вовсе рассмеялась, когда новая порция краски бросилась ему в лицо.

Он так и стоял и смотрел ей вслед как болван. И опять не пригласил!

– Да твою ж дивизию! – воскликнул он отцовскую фразу, которую тот издавал, когда у него что-то не получалось.

Миша выскочил под дождь в распахнутом дождевике и тут же об этом пожалел. Застёгивая на ходу молнию, он накрыл волосы капюшоном и просунул руку во вторую лямку рюкзака. Оставалось только радоваться, что тот был непромокаемым, и планшету ничего не грозило.

Дорожки школьного сада покрывала вода, так что шагать приходилось аккуратно, чтобы не замочить ботинки. Школьный разнорабочий Фёдор как раз стоял на коленях возле открытого люка канализации и смачно ругался. Из люка, заполненного водой, торчал конец стального троса, которым Фёдор, видимо, пытался прочистить засор, не дающий воде уходить в систему слива.

Миша вышел на проспект и замер в раздумьях. С одной стороны, следовало поберечь деньги, отпущенные на проезд, можно было бы дойти и пешком. Но с другой стороны, этак он до самого вечера провозится. А ему же ещё и к Нине идти!

Оправдывая себя тем, что ливень слишком уж сильный, и ноги непременно промокнули по колено, Миша дошагал до остановки. Несколько девочек, ожидающих автобус, прыснули со смеху, и он против воли покраснел. Чувствуя, как горят от стыда щёки и уши, Миша надвинул капюшон на лицо и отвернулся.

Пришлось ждать целых десять минут, и всё это время девочки хихикали и шутили на тему слабых мужчин, которые не могут дойти до дома пешком. Ему хотелось пояснить, что в его распоряжении очень мало времени, но Миша сдерживал себя. Пусть думают, что хотят. Наконец показался автобус, и Миша обрадовался, что мучения окончены.

Но не тут-то было, ему пришлось ещё целых три квартала краснеть, стискивать зубы и выслушивать обидные истории про мальчишек, которые в какой-то момент дали слабину и повели себя не по-пионерски. Возможно, что-то было правдой, а что-то придумывалось на ходу, чтобы уязвить его самолюбие.

Миша как ошпаренный выскочил из автобуса на пересечении проспекта с Лесной улицей. Дальше по-любому нужно было идти пешком, потому что по поперечным улицам общественный транспорт не ходил.

Если когда-то в этом месте и рос лес, то сейчас на узкой прямой улице не виднелось ни одного растения. Да оно и понятно, корням деревьев нужно пространство, а на большинстве улиц и ромашке-то не прорасти, кругом сплошной бетон и асфальт. Жизнь в горах на ограниченном пространстве диктовала свои условия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.